

КУЛЬТУРА ПОЛИСА  
УДК 2-1:27  
ОНР

**ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БОЛОТОВА**  
Кубанский государственный университет  
Краснодар, Россия

## **ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ИСТИНЫ В ХРИСТИАНСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ: ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Начиная примерно с периода схоластики, в западноевропейской философской традиции постепенно закрепляется тенденция к расщеплению, „специализации” в области научного и философского знания. Три основные составляющие прежнего единства мироздания, реализованного в античном Космосе, а впоследствии в Личности Бога, – Истина, Благо и Красота - начинают обособляться и замыкаться в сфере собственных специфических проблем, сохраняя идею единства в качестве смутно различимого фона. С этих пор проблемы этики не имеют решающего значения для сферы истинного познания. Для настоящего времени, как мы можем наблюдать, это имело катастрофические последствия.

Результатом отделения нравственных качеств человека от познавательной и творческой деятельности стало убеждение в необоснованности применения к научной и философской истине критерия моральной ответственности, нравственности познающего субъекта. Тем самым для науки было упразднено и значение личности исследователя<sup>1</sup>. Тщетная устремленность безликой нау-

ки к объективной истине привела к общеизвестным результатам, в числе которых возникновение ряда философских концепций, отрицающих саму возможность существования абсолютной истины и абсолютной объективности. В реальной жизни популяризация подобного мировоззрения привела человечество на грань самоуничтожения в результате полной дискриминации духовной сферы. Таким образом, сложившийся в Новое время идеал рациональности, практически сведенный к рассудочности, был окончательно дискредитирован историей. Неустрашимость влияния субъекта познания на весь познавательный процесс при несводимости человека к одному только рассудочному мышлению, привели к переоценке степени влияния его личных качеств на постановку цели исследования и интерпретацию результатов. Прошедшие в конце XX века всемирные конгрессы, посвященные поиску новой рациональности, признали необходимость объединения всех способностей человека в познании, включая иррациональные: веру и волю. Тем не менее, при ведущей роли неопозитивизма в качестве методологического основания современного мышления подобный синтез осуществляется с трудом, ведь в подобной ситуации для него нет, и не может быть достаточного собственно „научного” обоснования. Т. е. даже констатируя очевидную целостность человека в единстве рациональных и духовных способностей, с позиций господствующей методологии невозможно раскрыть внутреннее значение нравственности для познания. Следовательно, необходимо учитывать ограниченность позитивистских установок в понимании мира и природы познания, которые хотя и характеризуют современный тип научного мышления, но не являются единственно возможным способом отношения к действительности и ее осмысления. Нельзя отрицать также и тот факт, что позитивное мышление и последующие его модификации являются плодом развития западной цивилизации и философии, обслуживающим западную социальную действительность. Однако успехи западной цивилизации в создании общества потребления не могут служить критерием для оценки истинности философской позиции и самой Истины.

Русская философия в лице ярчайших ее представителей XIX - начала XX веков имела религиозную направленность и отнюдь не в угоду „христианской идеологии”, а в силу орга-

<sup>1</sup> Имеется в виду не авторство теорий и открытий, а нравственные качества ученого; ведь личность определяется, прежде всего, способностью к нравственному выбору.

нической вплетенности христианских идей в само основание русского менталитета, неотделимости от него. С позиции исторической действительности объективные основания (воплотившиеся в силовых методах) для прерывания этой традиции известны всем. Но для философии эти причины выступают как внешние, не имеющие отношения к внутренней логике ее развития. В своем внутреннем содержании русская религиозная философия не была завершена логическим преодолением ее основных идей и позиций. Поэтому сегодня, при отсутствии внешнего сдерживающего фактора, для русской философии нет оснований отвергать возможность построения философских концепций в контексте религиозных (христианских) идей, считая их устаревшими или снятыми. Напротив, наследие русских религиозных философов, опирающихся на Православие, воздвигло мощное основание для преодоления неразрешенных западными системами философских запросов человека. Именно поэтому возрождение философских поисков в данном направлении является весьма перспективным в настоящее время.

На наш взгляд вся сила русской религиозной философии заключается в том, что она постулирует в качестве своей исходной предпосылки сверхрассудочное представление об Истине, как живой личности Иисуса Христа, открывшего человеку: „Я есть путь, **истина** и жизнь” (Ин.14:6). Такой подход был предложен И. В. Киреевским и А. Хомяковым. Увидев причину бессилия западной философии перед лицом истины в ее уповании на рассудок, они преодолели тупиковость рассудочного познания, узаконив право духовных способностей человека на поиск и познание истины.

Понимание истины в русле христианской традиции обуславливает переосмысление самого процесса познания, роли в нем познающего и познаваемого, статуса лжи. Можно выделить следующие ключевые аспекты:

1. Познание Истины как Божественной Личности требует от познающего специфических усилий, связанных не только с рассудочными усилиями (как то имеет место при понимании истины в качестве абстрактной идеи) или эмпирическими доказательствами (при понимании практики как критерия истины). Здесь познание истины возможно только в процессе духовной жизни.

2. Познающий приближается к истине не столько благодаря разуму, сколько духовным усилиям, т.е. всем своим существом, всей совокупностью своих способностей, настроенных в унисон в стремлении к богоуподоблению.

3. Высшей целью познания выступает познание Бога как конечной Истины.

4. Процесс познания, следовательно, переходит в план диалога познающего с Познаваемым, в котором обе стороны занимают активную позицию, устремляясь друг к другу. Эта устремленность характеризуется состоянием Любви.

5. Человек изначально способен постичь истину через восстановление человеческой природы в Богочеловеке Иисусе Христе, в котором осуществилось соединение Божественного Логоса с человеческой природой.

6. Существование лжи обуславливается несовершенством человека, прежде всего его поврежденностью грехом, в результате чего человеческий разум, ослепленный страстями, не способен узреть истину.

Следовательно, процесс постижения истины напрямую увязывается с духовным состоянием человека, в частности с его нравственными качествами.

Религиозная философия всегда указывала на связь слова, мысли человеческой со Словом Божественным, Логосом и через него с реальным (тварным) миром, т. к. Логос есть начало мира и начало всякой мудрости:

„В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога.  
Все чрез Него начало быть, и без Него ничего не начало быть.  
В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков;  
И свет во тьме светит, и тьма не объяла его” (Ин. 1:1-5).

Но, прежде даже чем видеть в Логосе основание познания, нужно отметить, что через Слово получает реализацию и сама жизнь, само существующее („В Нем была жизнь...” (Ин.1:4)), и сознание, как отличительное качество человека среди других существ, и суть жизни („...и жизнь была свет человеков” (Ин. 1:4)). „Итак, жизнь становится осмысленной, поскольку она свободно и

сознательно служит абсолютному и высшему благу, которое есть вечная *жизнь*, животворящая человеческую жизнь, как ее вечная основа и подлинное завершение, и есть вместе с тем абсолютная истина, свет разума, пронизывающий и озаряющий человеческую жизнь. Жизнь наша осмысливается, поскольку она есть разумный путь к цели, или путь к разумной, высшей цели, иначе она есть бессмысленное блуждание. Но таким истинным путем для нашей жизни может быть лишь то, что вместе с тем само есть и жизнь, и Истина. „Аз есмь путь, истина и жизнь” [9].

Человек, получивший бытие через Божественное Слово, сам обладает даром слова и свободой воли, т. к. „И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему” (Быт. 1:26). Благодаря своему внутреннему слову человек осознает („освещает”) мир и может волевым устремлением своего сознания познать мир, себя в нем и тем самым познать Бога. Собственно познание человеком Бога, как проявление любви к Нему, возможно, является причиной всего акта творения: „Изначала Бог вручил Своему образу дар Богоискательства. И поэтому в борьбе с искушением видимостью человек может опереться на имманентно присущий ему дар трансцендирования, который есть способность и тяга к участию в бытии за пределами себя самого” [3, 87]. Таким образом, познание и само существование человека тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Познание Бога обуславливает смысл существования человека и, во взаимодействии с волей, - качество этого существования.

В свете всего вышесказанного вопрос о природе возникновения заблуждения в познавательном процессе объясняется поврежденностью грехом богоданной человеческой способности к непосредственному восприятию истины.

Познание можно понимать как вид взаимодействия сознательного (обладающего мышлением) индивида, понимаемого в качестве своеобразной системы, с себе подобными системами или с системами другого порядка (живой и неживой природы). На первом этапе такого взаимодействия субъект познания на основании каких-либо внутренних мотивов фиксирует некий объект реальности, далее, в случае заинтересованности или соответствия этого объекта какой-либо своей цели, субъект направляет свое со-

знание на этот объект – воспринимает интересующую его информацию об этом объекте, и, наконец, полученная информация интерпретируется в сознании субъекта на основании уже имеющихся знаний. Однако в рамках этой теории мы не получаем решения проблемы заблуждений, т. к. полученная информация на всех этапах детерминирована личностью субъекта: его целями, способами и средствами познания, системой сложившихся у него представлений и знаний, которые могут быть уже ошибочными. Поэтому в свете постнеклассической парадигмы в строгом смысле вообще нельзя говорить о степени истинности - соответствия некоему оригиналу - той или иной субъективной картины мира, да и о существовании такого оригинала вообще.

Причина заблуждения здесь не в нехватке элементов знания, а в отсутствии должной, истинной цели познания, и метода объединения элементов. Виртуальные миры, языковые миры, могут не иметь прототипа в реальности, если они построены на смешении и нарушении связей и отношений между элементами знания, хотя сами эти элементы соответствуют реальности. Такое сознательное или несознательное нарушение связей приводит к ложным суждениям, как следствие – к ложным поступкам, неправильному отношению к внешней среде, взаимодействию с ней, и, как итог, - разрушению собственной системы и сбою в системах, взаимодействующих с ней.

Согласно христианской парадигме причиной алогичного смешения элементов в сознании человека является его свобода. Однако не свобода сама по себе, а осуществленный в грехопадении выбор. Смысл грехопадения заключается в снятии предохранительных барьеров человека как системы перед разрушительной и неведомой силой зла. „И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь” (Быт. 2:16, 2:17). Само слово заблуждение является коренным слову „блуд”, что очень близко его значению. Заблуждение – это блуд разума, увлекшегося игрой с самим собой. Только истинное Слово может создавать, вернее только Истина, посредством соответствующего ей Слова может творить действительность, а человек, только следуя Слову, может

прийти к свету Истины. Соответствие слова человеческого (мысли) Слову Божию есть условие адекватного познания.

Дарованное нам слово, которое есть вся наша жизнь; наш язык „оторвались” от своего источника. В этом проблема заблуждений, трудностей науки. Понимая, что язык живет своей жизнью, наука не пытается вернуть его к реальности, совместить с ней (да у нее в своей отдаленности от веры и нет возможности это сделать), соглашается плавать и дальше в этом море случайностей и угадываний, тем самым, противореча своим же установкам. Мы в состоянии привести свои мысли о мире в соответствие с самим миром, но также вольны отказаться от истинного познания, довольствуясь призраками и миражами собственного творения. Законы мира не изменятся от их неправильного отражения в знании какого-либо субъекта и даже группы единомышленников, но сам субъект, строя ложную систему знания в самом себе, задает и искаженные взаимодействия с миром, результатом чего является разрушение субъекта как системы. „Сущность постоянна... Поэтому у религии и науки есть одна общая задача - обличение того, что в тропаре свят. Николаю называется "яже вещей Истина", обретение и усмотрение действия Логоса в мире. Человеку вменяется необходимость познания, ибо добро и зло не вылились в нашем мире в абсолютную форму, а пространственно-временная дискретность существования скрывает собою метафизическую сущность мира” [3, 90].

Постнеклассическая наука пришла к осознанию взаимодействия субъекта и объекта в процессе познания, т. е. к установлению диалогической природы познания не только в гуманитарных науках, что постулировал М.Бахтин, но и в естественных. Как следует из современных достижений в области методологии науки, сейчас как раз то время, когда необходимо выбирать по какому пути идти в познании: по пути самоутверждения – человекобожия, чреватого разрушением всего мира или по пути Истины – Богочеловечества. Основой выбора будет конечно являться нравственный критерий, направленный на конкретную цель. Если цель - Истина, то, достичь ее возможно только в познании Бога. Не боясь повториться, хочется уточнить еще раз, - дело в том, что сама по себе возможность мыслить и даже направлять мысль, не есть еще достаточное основание адекватного

познания действительности в целом (что единственно может соответствовать Истине). Таким образом, там, где остановилась наука, нет еще Истины, но религиозное сознание восходит от Софии Духом Святым посредством Слова к первому лицу Святой Троицы как конечному смыслу, оставляя миру мысль и слово ради невыразимости предельного знания:

Господь Бог есть истина; Он есть Бог живой и Царь вечный.  
(Иереем. 10:10).

Освятите их истинною Твоею; слово Твое есть истина. (Ин.17:17.)

Для постижения Истины необходимо снятие разума верой как основанием диалога. Нужно вызвать Истину на диалог, т. к. чем выше онтологический уровень, чем глубже основание всеобщности познаваемого объекта, тем менее продуктивна для познания самостоятельность субъекта, тем менее приложима его свобода и сомнительно преимущество в достижении адекватного знания. Для того чтобы диалог состоялся необходимо „согласие” объекта раскрыть перед нами свою сущность. В отношении Истины условием диалога будет, прежде всего, правильное определение и именование своего „собеседника” - это не может быть никто иной, кроме Бога; а также готовность к такому диалогу, выраженная степенью нравственного совершенства. Иметь разум в сердце или разумное сердце – это единственный путь познания Бога, т.е. Истины.

Итак, акт познания для своего дальнейшего развития с необходимостью требует включения помимо разумности еще и нравственности как духовного взора человека. Таким образом, через этику познание соотносится с любовью, а Любовь и Истина суть одно. Следовательно, познание по сути своей и есть любовь. Недаром о.Павел Флоренский берет в качестве эпиграфа к своей работе „Столп и утверждение истины” слова Григория Нисского: „Познание делается любовью” [8].

Современной науке осталось совсем немного, чтобы осознать, что такие понятия, как совесть, вера, любовь, порядочность, т. е. основные качества личности должны не служить разуму, а обуславливать и направлять сам разум в процессе познания. Получается, что разум не есть еще первейшее из человеческих

определений, но духовность, как основа разума, направляя его на истинные цели, делает его человеческим.

Только в духовно-нравственной сфере человек существует и действует как личность. Личность в сути своей есть осознание единства своего внутреннего бытия, поэтому и действия личности и сама личность, будучи, с одной стороны, отграничены от всего остального мира как внешнего, с другой необходимо проявляются, реализуются в нем. В любом человеческом поступке, таким образом, нет безличности и нет оправдания внешними обстоятельствами. Поэтому М. Бахтин говорит об ответственности человека в любом его действии: „познавательный акт как мой поступок включается в единство моей ответственности. Не из теоретической транскрипции, а из акта-поступка есть выход в его смысловое содержание” [1, 91]. Следовательно, „понять предмет - значит, понять мое должествование по отношению к нему, что предполагает не отвлеченное от себя, а мою ответственную участность” [1, 95]. Тогда как разум стремится обезличить себя в объективности, вера, по определению Бахтина, есть „ответственно осознанное движение сознания” [1, 112]. Вера, таким образом, ставит на первое место ценностные установки познающего субъекта. Кроме того, вера содержит в себе единство познания и его цели. Вера присутствует и в науке, так как любые теории предполагают наличие системы аксиом, как некоей методологической базы. По большому счету, разница между наукой и религией состоит в том, что Истина в религии есть „Кто”, а не „Что”. Насколько наука способна воспринять эту установку, настолько адекватны и широки ее познавательные способности.

Замыкаясь на разных полюсах понимания какой-либо проблемы, мы утрачиваем целостный взгляд на явление, на мир в целом. Из этого состояния эпистемологического эгоцентризма нас не могут вывести доказательства правильности той или иной позиции, так как выбор доказательства сам зависит от изначальной установки в направлении поиска решения. Преодоление одностроннего видения проблемы состоит в умении уважать противоположные точки зрения, в устремленности мыслителей к выработке целостного взгляда путем диалога между собой и миром. Это интуитивное осознание к принятию других не может иметь иной природы кроме Любви. И вера „волит воплотиться в любовь,

жизнь, влиться в свой предмет”, в этом заключено еще одно различие и в то же время взаимосвязь веры и разума: теория знания (как его рациональность) „сама является знанием, но теория любви сама любовью не является” [3, 89].

Вообще человеку следует давно смириться, что его индивидуальное существование налагает ограничение на понимание многих вещей, которые могут стать объектом его интереса, познания, целенаправленной деятельности, как понятие смерти в принципе отрицает жизнь, делая ее закрытой для полного познания. Нам остается лишь логически обосновывать ее как отсутствие жизни. Индивидуальное существование также отрицает многое, например, бытие в целом, выражаемое для человеческого познания в идее абсолютной истины. Так элемент системы не может знать о всей системе и, тем более, о всем многообразии ее отношений с другими системами. Но у человека есть граница соприкосновения, касания с целостным и абсолютным. Эта граница – способность мыслить внешний мир, т. е. улавливать его мыслью, которая всегда реализуется в слове. Мысль как слово способно вывести человека на эту границу, границу своей индивидуальности, природа которой - в вечной трагедии расколотости. Перешагнуть эти границы в своем познании, приближаясь к Истине, человек может только посредством Божественной Любви. В этой запредельной, и беспредельной области познание есть уже не мой индивидуальный акт мышления, но взаимодействие, диалог с Богом. Именно на этом пути возможно преодоление раскола между изначальной метафизической триадой: „Истина, Добро и Красота” - эта метафизическая триада есть не три разных начала, а одно. Это – одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая. Духовная жизнь, как из Я исходящая, в Я свое средоточие имеющая – есть истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого – она есть Добро. Предметно же созерцаемая третьим, как во-вне лучающаяся – Красота. Явленная истина есть любовь” [8].

Основная установка философии состоит в преодолении дурной бесконечности, и возвращении в исходную точку познания. Мысль, погружаясь в бытие, необходимо в своем пределе должна слиться с ним и одновременно с самой собой. Эта полнота, как мы показали, не достижима посредством одного разума,

находится за пределами его компетенции, поэтому с необходимостью должна быть дополнена верой, т. е. духовными основаниями человеческой личности. Вера не прерывает процесса познания и не оставляет разум в бездействии, но возвышает его на новую ступень, устраняя любые противоречия акта познания. Так Старец Силуан говорит о познании Бога: „Сколько бы ни учились, все равно невозможно познать Господа, если не будем жить по Его заповедям, ибо Господь познается не наукою, а Духом Святым. Многие философы и ученые дошли до веры, что Бог есть, но Бога не познали. И мы, монахи, учимся в законе Господнем день и ночь, но далеко не все познали Бога, хоть и веруют. Одно дело веровать, что Бог есть, и иное – познать Бога” [Цит. по: 6].

Таким образом, познание на определенном этапе требует себе веры для следующего этапа своего развития – познания в вере. Не устанем повторять, что признание значения веры для познания не ведет к отвержению разума, а позволяет ему „подрасти до понимания христианского опыта” [3, 87]. Для секуляризованного сознания это требование выступает в признании значения нравственных качеств личности в процессе познания. А основание нравственности невозможно вне идеи Бога. Тем не менее, проникая в тайны природы, удивляясь и восхищаясь ее ювелирной точностью и красотой, наука все же предпочитает говорить о „разумной Вселенной”, в дань моде отказываясь называть очевидное своим именем – именем Бога-Творца. Из-за этого опасения „ненаучной” терминологии и „ненаучных” методов Истина ускользает из науки, а подлинная нравственность из этики. За историю секулярного мышления что только не служило критерием добра и справедливости – и польза, и выгода, и общественное мнение, и право сильнейшего. Рассматривая нравственность как ситуативную характеристику (что характерно для сегодняшней этики), мы неизбежно уклоняемся в субъективизм, и, в таком случае, не имеем основания для введения понятия нравственности в науку. Ведь целью этого синтеза должна стать правильная мотивация, правильные средства познания и истинная интерпретация знания. Но, обосновывая цели через нравственность, а нравственность через цели, мы не решим ни одной проблемы и не продвинемся к Истине ни на шаг, оставаясь перед дурной беско-

нечностью заблуждений и разочарований. Поэтому для объективной науки, направленной на поиск абсолютной истины, нужен и объективный критерий нравственности, который не может заключаться нигде, кроме как в Боге. Только тогда нравственность с необходимостью явится основополагающим принципом познания и бытия человека.

### *Список литературы:*

1. Бахтин М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. - М., 1986.
2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3.
3. Кураев А.В., Кураев В.И. Религиозная вера и рациональность // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В. А. Лекторский. - Т.1. - М., 1995.
4. Мамардашвили М. К. К пространственно-временной феноменологии событий знания // Стрела познания. - М., 1997.
5. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М.2002
6. Свт. Игнатий (Брянчанинов). В помощь кающемуся. – М., 2003.
7. Хомяков А.С. Сочинения. - М., 1910. Т. 1.
8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. // Библиотека „Вехи”. Режим доступа в Internet: <http://www.vehi.net/>
9. Франк С.Л. Смысл жизни. // Библиотека „Вехи”. Режим доступа в Internet: <http://www.vehi.net/>